

Морской спецназ

Сергей Зверев

Свинцовый шторм

«Научная книга»

2012

Зверев С. И.

Свинцовый шторм / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2012 — (Морской спецназ)

У побережья Мозамбика на морском дне лежат две экспериментальные советские торпеды. Их не успели вывезти в начале 90-х годов – и в экстренном порядке затопили... Спустя много лет о торпедах узнают торговцы оружием из высших эшелонов российской власти. Они хотят продать торпеды международным террористам. Однако об этих планах становится известно ФСБ, и она срочно планирует операцию по уничтожению торпед. Поручается это ответственное задание подполковнику ВДВ Орехову и двум его верным друзьям – боевым пловцам Скату и Тритону...

© Зверев С. И., 2012

© Научная книга, 2012

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	8
3	11
4	15
5	20
6	24
7	28
8	32
9	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Зверев

Свинцовый шторм

Часть первая

Черный транзит

1

Южная Африка, 1991 год

...Охота – штука азартная, интересная и захватывающая. Если это охота не на тебя.

Боевой вертолет – машина невероятно красивая, поражающая и завораживающая своей маневренностью и мощностью. Выкрашенная в камуфляжные или иные цвета, она появляется почти всегда внезапно, выныривая из грязно-серых облаков, из-за кромки леса или из-за ломаной линии гор. С ревом и грохотом проносится над землей, подвывая турбиной и шумно стегая воздух длинными пальцами лопастей. Пролетает мимо, возвращается – и подобно смертоносной кобре вдруг замирает в воздухе, хищно поводя носом и нащупывая цель, что ошалело мечется где-то там, внизу, уже чувствуя свою незащищенность и обреченность, мечется в наивной надежде уйти, спрятаться от холодного и безжалостного взгляда прицела, через который разглядывает наступаемую жертву пилот, уже откидывающий крышечку с кнопки «пуск». В эти секунды именно он, сидящий за штурвалом боевой машины, становится богом, легким движением пальца дарующим жизнь или обрекающим загнанную жертву на смерть.

Нажатие кнопки – и деловито застучат авиапушки, с невероятной скорострельностью опустошающие кассеты, снаряженные боеприпасами, пули которых с непринужденной легкостью разрезают стальную громаду грузовика. Еще одно движение руки – и автоматика начинает вращать барабаны, из которых к земле рванутся огненно-дымные ракеты, не оставляющие ни малейшего шанса уцелеть никому и ничему, превращающие площадь обстрела в горящий и грохочущий ад. Пыль, дым, огонь и грохот... Атака боевого вертолета выглядит очень впечатляюще и красиво в кино, снятом настоящим мастером вроде Копполы с его знаменитым «Апокалипсисом». Правда, в реальной жизни «Танец Смерти в исполнении вертолета» красив лишь при одном условии: если стальная кобра охотится не за тобой...

Откуда вдруг появилась эта стремительная тварь, прапорщик Михаил Вострецов так и не понял. Вроде бы все было нормально: он привычно покручивал баранку зеленого армейского «уазика», тихо матерясь и проклиная полное отсутствие дороги как таковой, одуряющую липкую жару и белесо-желтую пыль, поднимаемую бодро катившим впереди грузовиком. В кабине 131-го «ЗИЛа» на водительском сиденье восседал темненький боец из местных, и прапорщик порой невольно кривил губы в злорадной усмешке, представляя, какое пекло сейчас стоит в прокаленной солнцем «зиловской» коробке. Если уж в «уазике» со снятыми боковыми стеклами от духоты все слипается, то там-то должен быть и вовсе полный караул! Ничего, подумал Вострецов, бросив взгляд на свои «командирские» часы, до базы немного осталось, да и привычные они ребята, им пар костей не ломит...

А потом над машинами пронеслась какая-то тень, и лишь мгновением позже прапорщик расслышал сквозь натужное подвывание грозившего вот-вот закипеть двигателя тугой рокот вертолета, со свистом резавшего лопастями воздух, неверным маревом струившийся над саванной.

«Наш, нет?» – еще не испытывая серьезного беспокойства, прикинул Михаил, пытаясь по удаляющемуся силуэту определить, что там за птица появилась над бушем. Не разглядел – и тут же вновь едко усмехнулся, сообразив, что в этих краях понятие «наши» несколько неуместно. Поди разберись, кто из местных темненьких ребятишек за кого воюет! Все черные, все с оружием, все в камуфляже; небось и сами-то толком не знают, кого и за что бьют... Так, вроде бы возвращается, собака... Еще через полминуты Вострецов отчетливо понял, что вертолет, очень даже похожий на «Апач» самого что ни на есть американского производства, нашим быть никак не может. Наивную и робкую надежду на то, что все еще, может быть, обойдется, перечеркнула рваная цепь пыльных фонтанчиков, пробежавшая сначала чуть сбоку «уазика», а мгновением позже заплывшая уже впереди, поперек курса.

«Сука! И откуда ж ты только взялся?! – Рефлекторно вбивая педали тормоза и сцепления в пол, Вострецов лишь теперь отчетливо расслышал дробный стук пулемета. Мелькнула дурацкая мысль: хорошо еще, что выцветший добела брезентовый тент не сняли... – Придурок, а что тебе тент? От пули закроет? Он не снайпер, ему тебя видеть не обязательно. Сейчас долбанет ракетой, и не останется от тебя даже куска горелого мяса! Что ж делать-то, а? Хоть бы лесок какой...»

Согласно инструкции, при авианалете следовало по команде «воздух!» произвести немедленное рассредоточение следующей в колонне техники, с максимальной эффективностью используя естественные укрытия вроде лесных массивов и неровностей рельефа; после чего личный состав должен покинуть занимаемые в движущемся транспорте места и рассыпаться на местности...»

Михаил вел джип в рваном ритме, то резко газуя, то притормаживая, по-раллийному накручивая баранку и бросая свой многострадальный «уазик» из стороны в сторону.

«Козлы! – в очередной раз ударяя по педали тормоза, сквозь зубы выругался прапорщик, чувствуя, как холодом стягивает кожу затылка и в груди волной поднимаются к самому горлу отчаяние и страх – как в детстве, когда, случилось, за ним гнался злощущий громадный пес, живший в соседнем дворе и наводивший на всех мальчишек ужас, ничуть не меньший, чем внушала героям Конан Дойля легендарная собака Баскервилей. – Какие, к чертям собачьим, укрытия?! Кругом степь, ровная как стол – считай, ни кустика, ни холмика. И гонит он нас сейчас точно так же, как мы бегаем с тапком в руке за тараканами на кухне... Вот сейчас... Сейчас долбанет – и только брызги кровавые полетят...»

Вертолетное «тух-тух-тух» сместилось куда-то влево, и Вострецов резко выкрутил руль, заставляя джип тоже метнуться влево, – прапорщику казалось, что именно там он может попасть в глухую зону под брюхом вертолета и выгадать еще хотя бы несколько секунд драгоценной жизни.

Темное пятно грузовика, едва различимое в густом облаке пыли, вдруг вильнуло куда-то в сторону и в то же мгновение окуталось новым облаком – уже огненно-оранжевым пополам с черным. Звук взрыва Вострецов услышал долей мгновения позже. «Отбегался, кранты пацану! В бензобак попал... – Мозг как-то отстраненно, без особых эмоций фиксировал и комментировал происходящее. – Теперь моя очередь... Попробовать выпрыгнуть? Ну да, ты же у нас каскадер прославленный! На полном ходу сиганешь – и получишь мешок с костями... мелкими. Несколько пуль этому уроду сэкономишь... Ну, давай уже, сука! Хрена ли ты играешься?! Интересно тебе? А вот хрен! Уйду. Уйду-у! Эхма, на разворот пошел... А мы вот так!»

«Уазик», послушно реагируя на новый поворот рулевого колеса, заложил вираж, отбрасывая в сторону тучу пыли и едва не опрокидываясь набок, и рванул в обратную сторону – туда, где еще дымилась догоравшая груда 131-го «ЗИЛа». Прапорщик решил, что если рядом нет ни лесочка, ни другого укрытия, то, возможно, останки грузовика смогут послужить таким хоть в каком-то смысле – если выскочить из джипа и нырнуть под «ЗИЛ»... Если не сто-

ришь к чертовой маме, то призрачный шанс есть. Не будет же этот придурок до последнего патрона и до последней капли горючки гоняться за каким-то одиночкой...

До грузовика Вострецов не доехал самую малость – метров тридцать. Сначала был удар – словно по левому плечу и по голове со всего маху кто-то саданул увесистой дубиной. А потом вспышка – словно в голове тоже взорвался маленький бензобак, – и сразу за ней – темнота. Прапорщик всю свою жизнь очень боялся боли, но тут никакой боли он и не почувствовал – удар, и больше ничего...

2

Подмосковье, июнь 2010 года

– Вот интересно, какой придурок эту рыбалку выдумал? – Невысокий и крепкий мужчина лет пятидесяти с небольшим пренебрежительно усмехнулся и швырнул в темноватую воду окурок; тут же извлек из нагрудного кармана пачку сигарет с новомодной угрожающей надписью, сулившей массу смертельных болезней, и прикурил новую, шумно пыхая и окутываясь клубом голубоватого дыма. – Комары, гнус этот... Природа, мать ее... Нет, я понимаю, когда первобытному человеку жрать было нечего; ну, а сейчас? Что, не клюет?

– Да что-то не хочет, – без особых эмоций отозвался собеседник крепкого мужика, словно по некой иронии судьбы казавшийся полной противоположностью своего старшего товарища: высокий, сутуловатый и болезненно худой. Образ городского интеллигента дополняли очки – правда, по всей видимости, дорогие и модные, в золотой оправе. – Вроде и должна быть, если по месту судить... Опять же, подкормил...

– Вот-вот, – не скрывая иронии, подхватил старший и с коротким матерком прихлопнул на шее комара, – рыбу надо подкормить, комарам и гнусу кровушки дай, а отдачи никакой. Прямо как в семье у меня – всем дай, все как птенцы, так и живут с разинутым на километр клювом... И какого черта я сюда с тобой поперся?

– Ну, полковник, вы же сами просили найти место потише, где точно никаких прослушек и чужих ушей не будет... – Худощавый еще несколько секунд полюбовался на неподвижную верхушку поплавок, затем сокрушенно вздохнул и, привычным движением руки вскинув длинное гибкое удилище, ловко поймал и начал сматывать леску. – Как говорят америкосы, сегодня не мой день.

– Ну да, просил. – На этот раз в голосе полковника не было и намека на иронию, а выражение лица как-то сразу потеряло большую часть вальяжности и снисходительного высокомерия. – Кто ж знал, что ты меня в такую глушь затащишь! Прямо тайга! Одни комары чего стоят... Ладно, пошли к костру. Что там с твоей ухой, дошла? Или как там... настоялась?

– Сейчас попробуем. – Худой аккуратно приставил к молоденькой березке удочку и направился к раскладному столику, высившемуся рядом с внедорожником неопределенной национальности и такого же неопределенного темного цвета. Взяв со стола объемистую ложку с длиннющей ручкой, незадачливый рыбак присел перед остывавшим в сторонке котелком и с видом знатока снял пробу. – М-мм! Полковник, да ради такой ухи можно было и еще полсотни верст отмахать!

– Ага, только уху эту можно было сварить прямо на крыльце магазина, в котором ты для нее рыбу купил. И ехать никуда не надо... Ну что ты там теперь прирос? Разливай давай!

Полковник основательно утвердился за столом, привычно скрутил «голову» литровой бутылке очень приличной водки и, набулькав в металлические стаканчики, приглашающе приподнял свою посудину. Мужчина в очках к этому времени уже успел разлить по блестящим стальным мискам пахучее, исходящее паром варево, поставить миски на стол и усесться напротив товарища. Осторожно поднимая чуть ли не до краев налитую стопку, он с сомнением покачал головой и осуждающе нахмурился.

– Не многовато будет, полковник? Мне же завтра с утра за руль...

– Мое дело налить, – добродушно усмехнулся крепыш, – а ты уж сам смотри, не мальчик... Ну, давай, за твою царскую уху!

Махнув свою стопку, полковник крепкими зубами прикусил пучок перьев зеленого лука, кинул в рот кусочек хлеба и шумно отхлебнул с ложки наваристой, поблескивающей янтарем ухи. Одобрительно кивнул и уже безостановочно заработал ложкой, с завидной быстротой очищая миску.

– Еще, товарищ полковник? – не смог удержаться от улыбки худой. – Appetit у вас – аж зависть маленько берет.

– Вот-вот, от зависти ты, наверное, и тощий такой! Ни выпить, ни пожрать толком не умеешь, а еще Бочкин... Не идет тебе твоя фамилия. Чистый анекдот! Нет, хорош пока, – полковник разлил по стаканчикам еще раз и, уже не дожидаясь собеседника и не тратя время на тосты, выпил, после чего со вкусом затянулся сигаретой, безуспешно пытаясь отогнать дымом стайку надоедливой мошкары. – Вот же суки... Должны же быть или мошка, или комары, а тут все сразу!

– Ну, у вас, положим, фамилия тоже не Мстиславский, – узкие губы Бочкина едва тронула тонкая улыбка.

– Это точно, – без тени обиды хохотнул полковник. – Я еще в училище гордо всем объявлял, что про меня уже книжки написаны. А тем, кто начинал сомневаться, совал под нос уставы: там через страницу – «Иванов, Петров, Сидоров»... Сидоров, брат, звучит раскатисто и громко! Ладно, не смурней лицом, я про дело всегда помню... Что там, кстати, с нашим капитаном? Ну, со складов артвооружений?

Сидоров постарался, чтобы вопрос прозвучал этак небрежно – мол, не так уж меня этот капитан и волнует, – но получилось у полковника неважно; его собеседник эту неумело сыгранную небрежность мгновенно раскусил.

– С капитаном? – Худощавый как-то неопределенно шевельнул бровью. – Да нормально там все... Застрелился наш капитан. С пьяных глаз устроил пожар на складе, потом маленько очухался, понял, что натворил, – и застрелился, бедолага. Шутка ли – два дня там все потрескивало да постреливало...

– А следствие?

– Да какое следствие! – отмахнулся Бочкин. – Приехали, посмотрели, поохали, а к головешкам, можно сказать, даже и не подошли. Капитана похоронили без почестей, убытки списали – и всё!

– Я сразу говорил, что с ним не стоит связываться, – недовольно поджал губы Сидоров, хотя на самом деле ему хотелось облегченно выдохнуть и радостно улыбнуться – и на этот раз, кажется, пронесло. – И со всеми этими патронами-гранатами – тоже. Одно дело – камуфляж, берцы и тушенка, и совсем другое – реальное оружие и боеприпасы. И статья при случае другая...

– Так ведь и деньги реально другие, полковник. – В наступивших сумерках взгляда худого сквозь стекла очков было не разглядеть, но в голосе отчетливо слышались жестковатые интонации, живо напомнившие Сидорову не такую уж и давнюю сцену, когда ему, полковнику интендантской службы, мягко, но настойчиво намекнули, что детские игры в ворованные спички закончились и пора начинать работать всерьез, за серьезные деньги...

– Да, другие, это ты верно... Что-то у нас костер совсем зачах. – Сидоров выбрался из-за стола и, присев перед едва теплившимся огоньком, начал подкладывать сухие веточки – сначала тоненькие, потом поленца посерьезнее. Пламя живо откликнулось, и уже через минуту-другую с веселым треском выплясывало под днищем чайника, висевшего на тонкой перекладине, и швырялось в сгустившуюся темноту дымком и искрами.

«С денег в этой жизни начинается многое, – невесело размышлял полковник, дымя новой сигаретой и слегка морщась – то ли от жара костра, то ли еще от чего. – А если точнее, то с их отсутствия или нехватки. А интересно, кто-нибудь когда-нибудь заявлял, что этих цветных бумажек ему хватает? Вряд ли... Вообще-то, если бы не Лариска... Это она, как прорва бездонная, – все дай да дай! Квартирку сними, колечко, тряпки, шубку, хренупку – все купи... Опять же женушка, детки – а зарплата-то одна, да и та – тьфу, слезы горькие! Вот и пришлось... подработку искать. А что тут такого? Все вертятся, выживают как могут... Ишь, крыса, очечками прямо как Берия посверкивает. Доволен, сука, что полковника на крючке держишь?»

А ведь как красиво и культурно все начиналось... Пришли, поговорили – так и так, мол, вы, полковник, в большом кабинете сидите, все бумаги по всем складам у вас в руках. Что и где лежит, за минуту можете узнать. А есть люди, готовые платить хорошие деньги за эту информацию. Никакого криминала, всего лишь бизнес! И делать почти ничего не нужно – всего лишь коротенькую справочку иногда... А деньги за эту справочку будут платить очень приличные. А что было делать? Смотреть, как все армейское имущество спокойно разворовывают те, кто поумней, и как миллионы мимо плывут?! Согласился – и пошло. Сначала тушенка, а потом вещи и посерьезнее... Вот только эта крыса пока еще не знает, какой я ему сюрприз приготовил... Ничего, сейчас узнаешь, и морда твоя еще длинней станет!»

– Полковник, у вас сейчас такой загадочный вид... Что-то случилось? Или наверху вам генерала решили дать?

– Почти угадал. – Сидоров повернулся к худощавому и кивнул. – Только все наоборот, дружище. Как в старом анекдоте.

– То есть? – насторожился Бочкин и недобро прищурился.

– А то и есть, – почти весело отозвался полковник, – что наверху как раз решили дать мне по шапке. Или, если хочешь, под зад пинка. Все, кончилась моя служба, кина не будет! И фирмочке «Подскажем, где добришко лежит» тоже полный этот самый...

– Ты сейчас это серьезно?

– Более чем и как никогда. Добрые люди шепнули, что будет не то сокращение очередное, не то кто-то решил на мое место своего человечка пристроить – да это и не важно... Важно то, что в ближайшее время я куплю большую лопату и поеду на дачу грядки под георгины вскапывать. – Сидоров, отбрасывая деланую веселость и уже не пытаюсь скрыть душившую его злобу, принялся ожесточенно ворошить палкой головни костра, взметая облачка пепла и искр. – И это еще не самый плохой вариант. Сам знаешь, сегодня могут ведь и без всякой пенсии выгнать к чертовой матери с волчьим билетом, а то и вообще погоны сорвать и за решетку засунуть – у нас это сейчас модно... Война с коррупционерами и оборотнями, мать их... Так что, господин посредник, придется вам нового информатора окучивать!

– Так, значит... – Бочкин некоторое время очень серьезно смотрел на полковника, потом задумчиво кивнул и спросил: – А на лопату-то хоть денег скопил, нет?

В ответ Сидоров только многозначительно скривился и сплюнул в костер.

– Кажется, у вас в армии это называется дембельский аккорд...

– В смысле? Ты на что намекаешь?

– Я не намекаю, я прямо говорю: если тебя «уйдут», то было бы неплохо напоследок отхватить солидный куш... и только дурак от этого откажется, нет? Но товар, как ты понимаешь, нужен дорогой – как нынче любят говорить, эксклюзивный!

– Эксклюзивный, – скептически хмыкнул полковник и начал прикуривать новую сигарету. – Новейший истребитель пятого поколения или уж сразу ядерную бомбу? Так нет у меня к ним доступа, да и кто купит такую хрень? Это ж миллионы долларов!

– В мире немало людей, готовых выложить любые деньги за стоящий товар, – несколько расплывчато ответил посредник, уже не первый год вращавшийся среди покупателей и продавцов темных рынков всех оттенков и уровней. – Ты на досуге подумай...

– А знаешь что, Бочкин? – Доселе мрачноватое лицо полковника буквально осветилось некой новой мыслью и вызвало у посредника забавные ассоциации с алкоголиком, мучающимся с похмелья и неожиданно вспомнившим, где у него должна оставаться записка в виде выделенной стопки водки. – А ведь, кажется, есть у меня такой товар...

3

Южная Африка, 1991 год

...Вострецов медленно приоткрыл глаза и тут же вновь крепко зажмурился, рефлекторно сжимая зубы от боли и вытягиваясь всем телом. Лучше бы он этого не делал – стало только хуже. Боль, казалось, была везде, и она была очень разной – от тупо-глухой, лениво ворочавшейся где-то в глубине, до острой и жгучей, время от времени раскаленным штыком пронзавшей избитое и израненное тело то здесь, то там. Не так уж и давно прапорщик сознание от боли потерял; теперь в сознание пришел – и, похоже, тоже от боли. Лучше бы уж и оставался там, за черной занавеской, где не было ни страха, ни боли, ни этого мерзкого чувства растерянности и полной беспомощности. И еще чувства унижения, от которого хотелось не то по-детски заплакать, не то просто биться головой об стену – стучать и стучать, до тех пор, пока снова не придет спасительная чернота беспомыслия.

«Не так уж и давно? Тебе-то откуда знать, сколько времени прошло с той минуты, когда тебя в «уазике» чем-то шандарахнуло, – размышлял Вострецов, прислушиваясь к ощущениям в разбитом теле и стараясь даже дышать неглубоко и пореже, чтобы не тревожить, не провоцировать лишний раз эту проклятую боль. – Плечо забинтовано... А кровь-то на бинтах уже почернела, подсохла... Наверное, все же осколок какой. Если бы пуля из пулемета, то плечо в лоскуты разнесло бы, и ты, прапор, уже давно холодный бы лежал. И мухи над тобой роились... Хотя мух, я смотрю, и здесь хватает... Где же это я, а? Вроде камера тюремная: дверь железная с крохотным окошком, на окне решетка. Знать бы еще, чья это тюрьма...»

– Эй! Есть там кто? Воды... – Вострецов сам удивился своему голосу – едва слышному и какому-то чужому, жалкому и прерывающемуся. Прапорщик попробовал шевельнуть правой рукой. Получилось. Попытался сжать пальцы в кулак и постучать по доскам нар – не смог, только новая волна боли рванулась в теле, выжимая обильную холодную и липкую испарину. Вострецов вновь сжался, подождал, когда боль чуточку ослабнет, и снова позвал: – Суки! Воды! Воды дайте... люди вы или... Пи-ить!

За дверью вроде бы послышалась какая-то возня или шаги; звякнула, откидываясь, стальная пластина «кормушки», и в окошке мелькнуло темное лицо – вероятно, охранника или надзирателя. Затем в замке заворочался ключ, и дверь открылась, пропуская в камеру здорового темнокожего парня в камуфляже. Здоровяк подошел к нарам, минуту-другую молча с интересом разглядывал раненого пленника, затем что-то спросил на языке, который прапорщику показался абсолютно незнакомым – не то искаженный английский, не то местный африкаанс, а может быть и вообще диалект какой.

– Нихт ферштеен, донт андерстенд ю... Воды! Вассер, уотер, плиз... Не понимает, сука. Воды дай, падла! – Вострецов в отчаянии просто поднял руку и, преодолевая боль, знаками показал, как он пьет из воображаемой кружки. – Брат, ну понял? Уотер...

– Уотер? Йес, баас! Ван момент, – негр улыбнулся, демонстрируя зубы, которым позавидовала бы половина Голливуда, кивнул и вышел из камеры. Вернулся меньше чем через минуту, и не пустой – темные пальцы огромного кулака сжимали алюминиевую кружку.

Вострецов, собрав все свои силы, немного приподнялся и, еще не очень веря своему счастью, потянулся к вожденной кружке с водой. Рука предательски, противно и жалко тряслась, да черт уж с ней...

– Брат, вот... спасибо... – Пересохшие, разбитые губы слушались тоже плохо.

– Плиз! – Здоровяк вновь широко улыбнулся и выплеснул содержимое кружки прапорщику в лицо. После чего несколько секунд все с той же улыбкой наслаждался произведенным эффектом, а затем развернулся и вышел, грохнув железом двери...

Слов у Вострецова не нашлось – он просто тихо завыл на одной бесконечной ноте. Из глаз по грязным щекам стекали неведомо откуда взявшиеся в обезвоженном организме редкие слезы. Такого унижения прапорщик в своей жизни, пожалуй, еще не испытывал. И теперь как-то сразу стало понятно, что это только начало...

Вострецов не знал, сколько прошло времени после посещения чернокожего амбала – час, два или сутки. Боль сменялась туманным полубормоком, на смену провалам в какой-то черно-серый бред снова приходила боль. И жажда – всепоглощающая и ежесекундная. Теперь прапорщик точно знал, что рассказы о слонах, в которых говорилось о том, что могучие великаны от жажды просто сходят с ума, не ври.

«Странно, – думал Вострецов, – сто лет прошло, и вот вспомнилось... И я скоро так... И никто и никогда не узнает, что я сумасшедшим сижу в этом каменном мешке. Неужели меня так никто и не станет искать? Хотя какие уж тут поиски! Такая заваруха началась... Кто б еще толком разъяснил, кто и кого мочил в этом перевороте? Каждый день власть меняется – один черномазый князек другого душил-режет и попутно всех вокруг... Как там сказал капитан? «Все, Вострецов, кончается тут наша Советская власть! Да и не было ее никогда в этой дыре поганой. А теперь и вовсе местные отцы решили с нами раздружиться. Крысы ненасытные! В столице переворот, надо ноги уносить. Все подчищаем, что нельзя вывезти – уничтожаем, такой из Москвы приказ пришел. Действуй, прапорщик!»

А все-таки хорошо, что груз мы с тем парнем сбросить успели. Хотя... Если б вертолет «зилка» еще по дороге туда расстрелял, то, возможно, ты, прапорщик, сейчас тут и не мучился бы...»

...Из темно-серого тумана сначала выплыли чьи-то голоса, потом был кто-то в белом – наверное, врач, поскольку Вострецов почувствовал слабый укол в руку, а потом ему дали попить. Дали много вкусной, чистой и холодной воды! Вероятно, укол был каким-то наркотиком вроде промедола, поскольку боль сразу затихла и спряталась где-то глубоко-глубоко... А потом был допрос.

Чернокожий мужчина в довольно-таки приличном костюме присел рядом с нарами на принесенный стул и начал задавать вопросы – на почти правильном русском, но с жутким акцентом.

– Ваше имя? Национальность? Звание и должность? Номер воинской части?

– Иванов Петр Сергеевич, русский, вольнонаемный водитель, – едва слышно отвечал Вострецов первое, что приходило на ум.

Черный внимательно посмотрел прапорщику в глаза, задумчиво покивал, затем неприязненно поджал губы и что-то негромко сказал стоявшему за дверью охраннику, после чего прикурнул сигарету и вышел из камеры.

Били прапорщика недолго, но со знанием дела – очень жестко и больно. Правда, закончилось все довольно быстро – опять навалилось спасительное беспмятство после того, как охранник с улыбочкой раздавил Вострецову кисть больной руки...

Когда его привели в чувство и черный снова начал задавать свои вопросы, прапорщик на все ответил правильно, ничего не утаивая. Кроме одного – куда и зачем он ездил во время своей последней поездки и что за груз был в кузове сгоревшего «ЗИЛа». На все попытки черного выяснить что-то новое отвечал, что ездили по приказу начальства за продуктами в близлежащие деревни...

Удача – дама ветреная и ради каприза иногда может заглянуть в самые неожиданные места. Видимо, именно поэтому однажды в камеру к уже немного окрепшему Вострецову пришли непонятные люди с аппаратурой. Прапорщика – или, как его теперь именовали, «ур-рент-офицера» – спешно помыли, переодели в чистый камуфляж и сделали несколько снимков. Через день-другой эти снимки появились в местных газетах в сопровождении соответствующей

щих комментариев, в которых рассказывалось о «военных специалистах из СССР и о наглом вмешательстве «красных» во внутренние дела африканских республик».

В следующий раз Удача заглянула в темную нору прапорщика в лице тюремного электрика, который чуть позднее сообщил о пленнике в представительство Международного Красного Креста. А уж из кабинетов представительства информация отправилась прямым ходом в западные газеты и в соответствующие кабинеты, расположившиеся в Москве. Москва, до сих пор получавшая на все запросы стандартные отписки, в которых власти ЮАР отрицали наличие в ее тюрьмах каких-либо пленников из России, наконец-то получила достоверную информацию и могла предпринимать какие-либо действия по освобождению Вострецова. Дело осложнялось еще и тем, что между ЮАР и СССР дипломатических отношений не было – все переговоры велись, что называется, через третьи руки...

Этот ноябрьский день Вострецов запомнил на всю жизнь. И во время полета в «Боинге», который доставил прапорщика в аэропорт Лусаки, и в самом аэропорту, где к тому времени уже совершил посадку советский «Ту-154», Вострецова не покидало всепоглощающее чувство тревоги пополам с неистовой, рвущей душу надеждой, готовое в любую секунду уступить место страшному отчаянию. В мозгу билась лишь одна повторяемая как заклинание мысль: «Только бы не сорвалось! Господи, господа, ну что тебе стоит, а? Помоги! Пусть все пройдет нормально...»

Мрачноватый мужчина из представительства Красного Креста, сочувственно посматривавший на изуродованную руку русского «уоррент-офицера», негромко инструктировал за несколько минут до обмена:

– Когда поравняетесь с пленником, которого ваши соотечественники решили обменять на вас, вам следует обменяться с ним рукопожатием. Все-таки в какой-то мере он помогает вам вернуться на родину.

– А кто он, этот пленник? – Вострецов прищурился, пытаясь рассмотреть группу людей, стоявших неподалеку от трапа, подогнутого к борту «Ту-154».

– Боевой летчик юаровских ВВС. – В голосе мужчины отчетливо слышалось некое уважение – вероятно, африканскому летчику он тоже по-своему сочувствовал. – Кажется, его сбили где-то над Анголой.

– Понятно. – Слово это из уст прапорщика прозвучало отрывисто и сухо.

Руки летчику Вострецов, естественно, так и не подал – много чести для убийцы, видел прапорщик их работу! – и молча прошел мимо. Лишь мимолетным неприязненным взглядом мазнул по вполне обычному европейского типа лицу, на секунду уловив интерес и любопытство во встречном взгляде, и на предательски ослабевших, дрожащих ногах поспешил к своим, уже поджидавшим прапорщика с бутылкой шампанского в руках...

«Вот только бы не заплакать...» – приближаясь к советскому самолету, мысленно твердил Вострецов новое заклинание. Не заплакать, черт возьми, не получилось...

В Москве шампанского уже не было, зато была черная «Волга» со шторками, поданная почти к самому трапу лайнера. Что за неприметной внешности мужики поджидали Вострецова у подножия трапа, догадаться было нетрудно. Как говаривали в армии: «КГБ – он и в Африке КГБ!»

На дворе стоял уже далеко не тридцать седьмой, и Вострецов отделался довольно легко по его понятиям: из армии уволили-комиссовали, дали какую-то смешную пенсию, а чуть позже и небольшую квартирку – повезло. Потом неожиданно появился тот самый капитан – теперь уже с майорскими звездочками на погонах, – и долго расспрашивал о том, как оно все было? в стенах лефортовской тюрьмы. Узнав, что о грузе Вострецов рассказал «правильную» версию, облегченно вздохнул, успокоился, пообещал при случае любую помощь и... исчез навсегда.

«Правильная версия» заключалась в том, что ящики с грузом якобы были сброшены в океан и взорваны – именно так умолял его говорить капитан, почти случайно обнаруживший

на своих перевалочных складах этот загадочный груз. Груз, который по документам давно должен был быть отправлен на некий секретный испытательный полигон ВМС, который спецы из СССР построили в соседней, на тот момент тоже дружественной, африканской стране.

«Вострецов, друг, кровь из носа, умри, но сбрось эти ящики в море! – Капитан был бледен и суетлив. – Не успел я. Если командование узнает, что они по моей вине могли черт знает в чьи руки попасть – мне конец! Да и тебе, прапорщик, тоже...»

...Ящики спокойно мокли и обрастали ракушками на дне океана, капитан успешно продолжал строить свою карьеру, а Вострецов постарался просто забыть и проклятую Африку, и эти поганые ящики, из-за которых он чуть не погиб среди пыльной, выжженной чужим солнцем саванны и чуть позднее – в грязной тюрьме...

4

Подмосковье, база войск специального назначения, июнь 2010 года

Нет, мир, конечно же, не рухнул, и даже не потемнел – разве что так, слегка прикрылся серой тоскливой вуалью. Орехов неприязненно покосился на крепкого мужика в белом медицинском халате, что-то там строчившего своим классически нечитаемым почерком в пухлой медкарте. В эту минуту майору в этом давно знакомом подполковнике медицинской службы казалось неприятным решительно все: и чистенький халат, обтягивающий округлые борцовские плечи, и отстраненно-суховатое выражение лица, и эти до неправдоподобной стерильности отмытые сильные пальцы, сжимавшие простенькую шариковую ручку.

Орехов понимал, что несправедлив сейчас к этому не самому плохому в своей области спецу, но ничего со своей неприязнью поделать не мог. Память услужливо подкинула, казалось бы, безнадежно забытую картинку из далекого прошлого: по-собачьи тоскливые, больные глаза паренька из его тогда еще курсантского взвода, которого комиссовали из ВДВ в конце второго курса. Только теперь майор в полной мере понял, что испытывал тогда тот мальчонка, у которого одним росчерком вот такой же ручки украли будущее, вырвали из рук мечту. Понятно, у врачей своя работа, но все же, все же...

– И что мне теперь? – Сейчас даже голос собственный Орехову показался каким-то чужим и неприятным. – В кладовщики идти записываться или сразу уж в дворники?

– Слушай, майор, – доктор чуть улыбнулся краешком губ и вздохнул, сразу делаясь похожим на школьного учителя, уставшего от общения с туповатым подростком, вполне искренне считающим своего педагога придурком, а весь мир – злобными врагами, – ну что ты как пацан зеленый, а? Лицом тут, понимаешь, темнеешь, желваками поигрываешь... Я что, в запас тебя выгоняю или карьеру ослепительную рушу? Я просто говорю, что ты уже, извини, не мальчик, чтобы с автоматом по лесам и по горам бегать – для этого найдутся ребятки помоложе. Ты в своем училище «технологии металлов» изучал?

Орехов, уже прекрасно понимая, что этот лепила ухоженный скажет дальше, отвел взгляд и мрачно кивнул.

– Ну вот, тогда должен понимать, что такое усталость металла. Ствол твоего автомата на сколько выстрелов рассчитан? Или этот... парашют? Сделал ты с ним строго определенное количество прыжков – все, сдавай на утилизацию, даже если он тебе кажется еще чуть ли не новеньким... Ну, вот ты, майор, разрешишь молодому пацану прыгать с куполом, который ресурс выработал?

– Нет, конечно, – буркнул Орехов, – я что – убийца?

– А мне ты кем предлагаешь стать? – Глаза подполковника блеснули довольством рыбачка, все-таки подловившего простодушного карасика. – Слышал, наверное, что у каждого врача есть свое кладбище? Так вот, я хочу, чтобы мое было самым маленьким!

– А оно и у тебя есть? – совершенно бестактно ухмыльнулся майор.

– Даже не сомневайся, – отрубил доктор и уже прямым текстом жестко закончил: – Старый ты, понял? И реакция, и все прочее уже не то. Три ранения, контузия... Учить молодых, с парашютом прыгать, даже марш-броски бегать ты еще можешь. Воевать – нет!

– Док, ты никогда не задумывался, зачем люди в горы ходят, на вершины поднимаются? Так я тебе скажу. – Орехов прекрасно понимал, что он сейчас неправ, но удержаться все же не мог. – Там жизнь настоящая, там мужская работа, там воля и адреналин. Один раз поднялся на вершину, и всё – нет для тебя жизни без гор! А ты мне...

– Ой, майор, – доктор досадливо поморщился, – давай без истерик! Эти твои самурайские красоты мне, честно говоря, по барабану. Не надо мне тут... Повторяю: ты стал старым и недостаточно проворным. А я не хочу быть виновным ни в твоей гибели, ни в чьей другой! Все, прения прекращаем. Встал, и – кругом, марш!

– Да ухожу, ухожу, – майор как-то обреченно, устало вздохнул и поднялся. Подойдя к двери, повернулся и насмешливо спросил: – Что б такое сотворить, а? Ты же доктор, посоветуй что-нибудь...

– Я же не психолог и не капеллан, – в свою очередь улыбнулся подполковник. – Ну, не знаю, напейся, что ли... Или морду кому-нибудь набей. Только не вышестоящему начальству – могут неправильно понять... Можно еще веревку и кусок мыла купить, потом табуреточку оттолкнуть – и расслабиться. Но, думаю, эти глупости не для тебя – ты мальчик взрослый и неглупый...

– Ладно, док, утешил. Спасибо. Пошел я... Насчет морды – это идея. Я подумаю. До свидания...

– И вам, батенька, не хворать, – доктор, уже уткнувшийся в какие-то бумаги, не поднимая головы, рассеянно помахал чистенькой ладошкой. И настолько все это выглядело красноречиво, что Орехову, и без того ясно понимавшему, что по большому счету плевать этому эскулапу на все его беды и что «каждый умирает в одиночку», вдруг остро захотелось вернуться и от души врезать именно вот по этой холеной... Но майор всего лишь еще разок хмыкнул и вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собой белую дверь...

– Эй, майор, подожди! – услышал за спиной Орехов, едва успев спуститься по ступенькам, по которым он час назад поднимался в небольшое здание санчасти. Тогда, час назад, он, майор Орехов, вошел туда действующим боевым офицером, а сейчас... Сейчас майор чувствовал себя неким неопределенным субъектом, о которых в штабных бумагах пишут «за штатом».

Орехов обернулся и увидел доктора – тот подошел и, почему-то глядя на высокие ботинки майора, негромко спросил:

– Ты сейчас куда, в общагу?

– Ну да, а куда ж еще, – насторожился Орехов. Что еще за гадость этот друг сообщить хочет?

– На, – подполковник сунул в руку Орехову какую-то бумажку и плоский желтый ключ. – Это от квартиры дружка моего – он в командировке сейчас. И адрес. В офицерской общаге тебе сейчас делать нечего – даже напиток со вкусом не дадут... Только ты там смотри, чтоб это... как в объявлениях пишут: «порядок гарантируем».

– Спасибо, док. – В общежитие Орехову и в самом деле сейчас идти не хотелось.

– Да ладно, – отмахнулся эскулап и напомнил: – Смотри, про порядок не забудь...

...До столицы майор добрался на попутном дежурном грузовике, не то отвозившем белье в прачечную, не то собиравшемся грузиться на продуктовой базе. Потом было метро, откуда до адреса, данного доком, было всего-то три остановки.

Двор был самым обычным: серенькие бетонные многоэтажки, чахленькие кусты и несколько таких же заморышей деревьев, жухлая скучная трава, почти пустая детская площадка с неизменными горками и какими-то облезлыми ракетами. Оживляли картинку разве что цветные пятна припаркованных в самом вольном, чисто российском порядке легковушек всех фасонов, размеров и возрастов.

Орехов сверился с бумажкой и решительно двинулся к одному из домов. Правда, до подъезда дойти майор так и не успел, поскольку откуда-то слева до его слуха донеслось истерически-испуганное: «Помогите!» Орехов на секунду придержал шаг, вполголоса чертыхнулся и, обреченно вздохнув, направился в сторону источника ставшего уже классическим для новой российской действительности призыва.

Картина, представшая перед взором майора, со смехотворной точностью соответствовала его ожиданиям и все той же классике жанра: два небритых брюнета очень даже характерной наружности пытались затолкать в темное нутро какого-то пижонского кроссовера светленькую рыжеволосую девчонку. Девчонка, своей раскраской и легкомысленным прикидом вызывавшая стойкие ассоциации с более чем определенной профессией, отбивалась изо всех сил, а жгучие брюнеты, имевшие в этих самых силах несомненный перевес, как раз, похоже, перестали посмеиваться и начинали сердиться уже всерьез. Что девчонке, скорее всего, ничего хорошего в ближайшем будущем не сулило.

«Ну вот тебе и морды...» – к месту вспомнился Орехову недавний разговор с доком.

Если бы на месте небритых оказались русские мужики, Орехов, скорее всего, просто прошел бы мимо – если влезать во все дешевые разборки проституток с их клиентами, то никакой жизни не хватит. Но тут было нечто иное, и это меняло дело.

– Девчонку отпусти, уважаемый, – негромко обратился Орехов к тому, что выглядел чуть постарше напарника. – Ты же видишь, она не хочет никуда ехать.

– Пошел ты... – Уточнить адрес брюнет не успел, потому что получил точно рассчитанный и жесткий прямой удар в лицо; тут же присел, рефлекторно прикрывая в кровь разбитые губы и нос смуглыми ладонями и как-то не очень мужественно подвывая.

Второй, обнаруживая похвальную реакцию, тут же отбросил девчонку в сторону и, ощутив красивые белые зубы, принял нечто вроде боевой стойки и даже успел довольно неплохо провести высокий удар ногой, который, однако, цели не достиг. А вот простенький, но весьма действенный выпад Орехова по голени опорной ноги нападавшего попал точно в цель, а после того как брюнет завершил свой изыск на тему большого карате и вновь утвердился на двух ногах, майор без особых затей молниеносно ударил подъемом ступни как раз между этих самых ног. Ударил – и попал. Дальше все было совсем неинтересно и кино вовсе не напоминало. Орехов не стал дожидаться, пока спасенная девица с визгом бросится его обнимать-благодарить, а просто развернулся и пошел прочь, на прощание буркнув поверженным брюнетам нечто на каком-то малопонятном языке.

– Э, э, э! А я?! – Девица, до этого момента с перепуганным лицом жавшаяся в сторонке и замороженно следившая за расправой, вприпрыжку догнала Орехова и нешутейно вцепилась в рукав его легкой курточки. – Вы не можете меня так бросить! Они же меня разорвут...

– А на хрена ты мне? – Майор слегка дернул рукой, пытаясь освободиться, и мысленно уже проклиная собственное благородство: верно говорят знающие люди, что ни одно доброе дело не останется безнаказанным. – Я с вашим братом дел не имею и иметь не хочу.

– С каким братом? – туповато спросила девчонка и тут же вполне явственно покраснела и возмущенно выпалила: – Я не ваш брат! То есть не сестра. Это совсем не то, что вы подумали!

– Ну конечно, ты – монашка, а это у вас теперь такая форма новая, – беззлобно ухмыльнулся Орехов. – Извини, святая сестра, я тороплюсь...

– Нет, не монашка! Я – журналист. – Девушка попыталась гордо выпрямить свой далекий от пышностей и округлостей стан, но получилось неважно. Возмущенный тон снова сменился просительным и чисто по-детски испуганным: – Ну, пожалуйста, можно мне пойти с вами, а? Они уедут, тогда и я уйду...

– Ладно, – смирился с ролью благородного спасителя Орехов, – идем. Только я тебя прошу: помолчи, а? И без твоей трескотни тошно...

Квартира оказалась на десятом этаже, куда майор со спасенной девицей с легким грохотом и лязгом прибыли в тесноватой кабинке лифта. Орехов подошел к двери, номер на которой соответствовал цифирке на докторской бумажке, достал ключ, но вставлять его в замок передумал, окинув девицу задумчивым взглядом.

– Документы есть?

– Естественно, – высокомерно фыркнула девчушка. – Паспорт подойдет?

– Давай... Так... Вострецова Елена Владимировна, – майор вернул паспорт и непререкаемым тоном приказал: – Вот что, Елена... Владимировна, я на минут пятнадцать отлучусь. А ты стой здесь и жди. В квартиру, уж извини, не пущу – как говорят у вас, у журналистов, мало ли что. Я скоро – у меня в доме шаром покати, а гостью чаем напоить надо бы... Жди!

Спустя ровно час Орехов угощал Елену довольно-таки приличной яичницей с помидорами, ветчиной и сыром. Все это великолепие, щедро присыпанное зеленью, майор предварил объемистой стопкой хорошей водки, а за минуту до того, как его тарелка опустела, хлопнул вдогонку еще одну, после чего закурил самую обычную «примину» из красной пачки.

Гостья, довольно-таки милостиво согласившаяся разделить со своим благородным спасителем трапезу, быстренько смела свою долю и теперь неторопливо прихлебывала кофе, без всякого стеснения разглядывая странного мужика. Станным майора Елена назвала после того, как он сначала на опасливый вопрос о возможных приставаниях ответил: «Даже и не надейся!» – а чуть позже на просьбу «плеснуть немножечко водочки и девушке» пригрозил «наддать по заднице».

– Ты не мент, – после некоторых умозаключений вынесла вердикт Елена. – И не спортсмен. Ты или военный, или крутой бандит – такой, знаешь, благородный...

– Угу, – приминая окуроч в пепельнице, кивнул Орехов, – угадала. Киллер я. Но очень благородный. Иногда даже тошно от этого благородства. Сейчас сидел бы и спокойно водку пил... Так нет, спас на свою голову... журналистку.

– Нет, на киллера ты не похож, – убежденно заключила гостья и с чисто женской последовательностью спросила: – А почему ты не поинтересуешься, как я к этим уродам чуть не попалась?

– Тоже мне секрет... Небось решила изучить явление изнутри, а потом написать «супер-бомбу» для желтой газетенки? Не знаю уж, что там у тебя было в школе по русскому и литературе, но по ОБЖ тебе надо ставить твердую двойку, а то и единицу. Падишах в гуще народа... Так, ты поела? Отдышалась? Сейчас я такси вызову, и дуй-ка ты к маме с папой!

– Я приезжая, у дядьки живу. – Елена слегка опечалилась. – Он, между прочим, военный в отставке. Он в Африке воевал и даже в плену там был, в тюрьме сидел!

– Я ему искренне сочувствую. – Орехов поднялся и направился к телефону. Такси женским голосом пообещало приехать минут через десять. – Собирайся, сейчас машина придет.

– Слушай, а что ты там, ну, во дворе, сказал этим козлам? Не по-русски что-то?

– Это по-арабски. «Если волк решил задрать овцу, то он должен посмотреть, нет ли где поблизости волкодава».

Расставание прошло вполне обыденно, без особых эмоций. Майор, явно тяготившийся ролью благородного рыцаря, все же проводил Елену до машины, после чего вернулся в квартиру с твердым намерением теперь-то уж выпить по-настоящему. Но настроение каким-то непостижимым образом изменилось, и сейчас Орехову вдруг захотелось просто посидеть молча и послушать какую-нибудь хорошую музыку. Соответствующий агрегат в квартире нашелся, а вот подбор дисков оказался каким-то не очень веселым. Первая же песня попала почти в десятку. Орехов выругался, выпил еще стопку, закурил и снова затосковал всерьез.

«Гвардии майор здесь никому не нужен, как белая сирень под каблуком сапог...» – старательно хрипел мужской голос, и Орехов, окутанный серо-голубым сигаретным дымом, покачивал в такт головой и ухмылялся нетрезво и зло. Потом Газманов пел про далекий дом и про кресты, что должны хранить покой умерших на чужбине казаков, а уж за ним последовал Розенбаум со своим «Черным тюльпаном». Неведомо, что все-таки добило Орехова, – вердикт дока, песни, напомнившие о погибшем в Афганистане брате, водка или все вместе, – но закончилось все невесело...

Чуть позднее Орехов понял, что док был прав и мудр, когда сунул ему ключи от этой пустующей берлоги: оказывается, и в жизни мужественных майоров бывают такие минуты, когда никому не нужно их видеть...

5

Аденский залив, пятьдесят морских миль от берегов Сомали, июнь 2010 года

...Наверное, эти голубые воды и много тысяч лет назад были такими же спокойными и величавыми, как в этот самый обычный июньский день. Так же веселый сухой ветерок гнал по морской поверхности легкую рябь, а в блеклом, словно застиранная скатерка, небе точно так же неспешно с востока на запад катилось по своей дорожке бледно-желтое слепящее солнце. И мир был чист, красив и полон мудрой гармонии...

А потом появился человек с его лодками, парусниками и пароходами. Чуть позднее это неугомонное существо вооружилось дизельными двигателями, электричеством, большой химией и прочими достижениями многомудрых наук – и мир изменился. Мир, поневоле покоряясь и подчиняясь все новым и новым безумствам так называемой цивилизации, стал суетлив, шумен и грязен, как дикий средневековый базар. Но, пожалуй, самыми разрушительными и мерзкими качествами этого малопонятного существа по имени Человек стали его неумная жадность и стремление убивать...

Этот средних размеров контейнеровоз ничем не напоминал белоснежный океанский лайнер или яхту богатого нувориша, поскольку был откровенно стар и некрасив. Обшарпанные борта его были украшены потеками ржавчины, а палубные надстройки давным-давно уже втайне мечтали о свеженькой краске, которая прикрыла бы неприглядные свидетельства почтенного возраста трудяги, разменявшего уже далеко не первый десяток тысяч морских миль. Правда, машина контейнеровоза, хотя явно и страдала старческой одышкой, довольно бодро вращала гребной вал, отчего посудина вполне уверенно перемалывала винтом воды залива и без особой спешки продвигалась в порт назначения.

...Две лодки, наполненные темнокожими, вооруженными почти в прямом смысле до зубов людьми, вынырнули, казалось, буквально ниоткуда, словно материализовались из солнечных бликов на голубой поверхности залива. Одна из лодок была самой обычной, рыбацкой, а вторая – резиновой надувной военного образца. Общим для этих плавсредств были довольно мощные навесные моторы, позволявшие даже при солидной нагрузке в виде десятка взрослых мужчин без всяких усилий догонять практически любое морское судно. Ну, разве что за исключением быстроходных пограничных катеров; но контейнеровоз, шлепавший под либерийским флагом, к пограничной страже явно не имел ни малейшего отношения.

Лодки согласованно и почти синхронно разошлись и подлетели вплотную к контейнеровозу со стороны левого и правого бортов, после чего через фальшборты в считанные мгновения перелетели несколько стальных кошек с привязанными к ним концами-веревками. Нашлась в арсенале abordажных средств пиратов даже парочка веревочных лестниц, по которым бандиты с похвальной сноровкой и быстротой взбирались на борт судна и с криками и воплями набрасывались на экипаж контейнеровоза, похоже, даже и не помышлявший о каком-либо сопротивлении. Для пушного эффекта и для устрашения резвые темнокожие парни дали несколько очередей из «калашниковых» в воздух, что было, по всей видимости, уже перебором, поскольку и капитан судна, и все члены его команды, за исключением мотористов, уже сгрудились у одной из надстроек и предусмотрительно подняли руки вверх.

Вожак пиратов неторопливо подошел поближе к сбившимся в нестройную толпу морякам и, сохраняя на темно-коричневом лице пренебрежительно-высокомерное выражение, окинул пленников презрительным взглядом.

– Овцы! – Он небрежно сунул свой многозарядный пистолет в кобуру, болтавшуюся на поясе и, ни к кому конкретно не обращаясь, коротко бросил через плечо: – Что с радистом?

– Здесь радист! – Из темного провала двери одной из надстроек показался массивный детина с ручным пулеметом наперевес, увешанный пулеметными же лентами наподобие давно уж забытых революционных матросов времен гражданской войны в России. Пулеметчик, крепко придерживая за шиворот перепуганного шуплого мужичка, пинками загнал его в толпу пленников и радостно доложил: – Он даже хрюкнуть не успел, не то что SOS подать!

– Это хорошо, – сохраняя явно наигранную важность, кивнул главарь. – Я же говорю: овцы! Теперь давайте их всех в трюм. Штурмана и рулевого – в рубку! Пусть ведут это корыто...

Куда конкретно собирался увести контейнеровоз вожак бандитской группы, команде судна узнать было, видимо, не суждено, поскольку договорить пирату так и не дали: фраза была прервана грохотом внезапно распахнувшихся створок двух стоявших на палубе контейнеров. А уж из железных коробок к слегка расслабившимся пиратам рванулись непостижимо быстрые тени в темном камуфляже.

Скоротечное боестолкновение тем и отличается от показательных выступлений любого спецназа, что разглядеть там что-либо трудно. Спецназовцы без малейшей задержки и суеты набросились на бандитов, и выглядело это так, словно они заранее рассмотрели врагов сквозь железные стенки контейнеров, – каждый, не мешая друг другу, брал своего противника. Наверное, именно так выглядит и ракета, выпущенная в тесную комнату: глазу просто невозможно уследить за ее причудливой траекторией! Первый же спецназовец ринулся к главарю и, без колебаний делая длинный выпад автоматом с примкнутым штык-ножом, вонзил широкое лезвие бандиту под ложечку. Быстрый доворот, рывок оружия назад – и второй бандит, оказавшийся рядом, получил страшный удар прикладом в лицо. Пожалуй, самым страшным и парализующим для бандитов было то, что нападавшие не кричали, не извергали проклятия и угрозы, а делали свою жутковатую работу молча. Слышался лишь лязг оружия, топот кованых каблуков по палубе, глухие и чавкающие звуки ударов, надсадное хаканье и хруст костей. Несколько криков все же раздалось, но это были крики ужаса, паники и запоздалые, бессмысленные визги о пощаде.

Пока на борту контейнеровоза спецназовцы в ключья рвали ошалевших от ужаса бандитов, на воде разыгрывалось параллельное действие. Началось оно в ту же секунду, что и распахнулись створки контейнеров, в которых до времени таились боевые группы спецназа. Оставленный пиратами в лодке бандит, привлеченный непонятным шумом на судне, поднял голову и прислушался, пытаясь понять, что же там, наверху, делается. Он не мог ни слышать, ни видеть, как с небольшой глубины, с невероятной силой работая ластами, к поверхности торпедой неслась гибкая фигура, затянута в прорезиненный черный гидрокостюм. Вода рядом с рыбацкой лодкой буквально взорвалась; в воздух вместе с брызгами взметнулось сильное тело и на счет «раз-два» проделало сразу две вещи: ухватив бандита за воротник безрукавки, пловец одним сильным рывком сдернул противника за борт и тут же коротким, отработанным махом перехватил ему горло длинным ножом. Вода рядом с лодкой тут же окрасилась красноватыми мутными разводами.

Второго пирата, ожидавшегося своих товарищей в надувной лодке с другой стороны контейнеровоза, также постигла участь быть, словно редиска, выдернутым из лодки. Разве что этому темнокожему парню повезло больше – напарник первого боевого пловца резать бандита не стал, а всего лишь притопил и легким ударом обездвижил, после чего бесчувственное тело без особых нежностей было поднято на палубу судна.

Стая даже очень злых дворняжек или шакалов не в силах противостоять стае матерых волков – закаленные в кровавых драках жилистые хозяева лесов и степей с непринужденной легкостью разорвут и гораздо более серьезного врага...

Когда боевые пловцы поднялись на борт контейнеровоза, там все уже было кончено. Бойцы спецназа, вполголоса переговариваясь между собой, перекуривали, пыхая голубоватым

дымком сигарет и помаленьку отходя от только что пережитой схватки. Команда контейнеровоза дружно суетилась, наводя на палубе порядок: тела убитых пиратов уже перетаскали и сложили в ряд у левого фальшборта, и один из матросов торопливо поливал палубу из брандспойта, смывая за борт расплывчатые лужи, брызги и потеки всех оттенков красного цвета. Лицо морячка было сейчас заметно бледноватым, и эту бледность не мог скрыть даже очень приличный загар, приобретенный явно не в северных широтах.

Командир группы спецназа окинул ничего не выражающим взглядом уложенных на кусок старого брезента убитых, затем подошел к небольшой горке беспорядочно сложенного в сторонке оружия пиратов и удовлетворенно кивнул. Слегка тронул носком высокого ботинка обшарпанную трубу старого гранатомета РПГ-7, секунду подумал и, подхватив оружие с палубы, направился к фальшборту. Не торопясь, вскинул трубу на плечо, прицелился и нажал спуск. Через мгновение граната с жутким грохотом разорвалась в корме рыбацкой лодки, разнося в клочья и старый корпус, и мотор. Когда в море упали последние ошметки и брызги, на водной поверхности осталось лишь небольшое радужное пятно – остатки сгоревшего топлива, смешанного со смазочным маслом.

– А зачем стрелять-то было? – К командиру подошел помощник капитана и с явным сожалением глянул за борт, где еще минуту назад покачивалась еще вполне крепкая лодка с хорошим мотором. – Движок можно было снять, он дорогой. Трофей как-никак...

– Ты что, чиф, офонарел? Какие, к хренам собачьим, трофеи? Я что, похож на идиота, чтоб улики против себя собирать? Это мы с тобой понимаем, что те темненькие ребятки – обычные уголовники и пулю каждый из них получил вполне заслуженно, за дело! А для каких-нибудь крыс-правозащитничков они – жертвы беззакония. Типа перестреляли бедненьких вместо того, чтобы судить по всем правилам. В общем, шел бы ты... своим делом заниматься, а тут мы сами... – Командир повернулся в сторону бойца, снимавшего на камеру уложенных в ряд мертвых бандитов. – Ты скоро? Сколько можно вокруг этих жмуров крутиться? Михалков, блин...

– Да я все уже, – негромко ответил боец, – осталось диск переписать – и все, готово.

– Что там с тем клоуном? – На этот раз старший спрашивал о плененном пловцами пирате, до сих пор не желавшем подавать никаких признаков жизни.

– Да, по-моему, уже очухался, – насмешливо ответил один из пловцов, уже успевших стянуть с себя акваланги и гидрокостюмы и переодеться в обычный камуфляж, – но изо всех сил прикидывается бездыханным. Как тот кот, что спрячет голову под диван и считает, что его не видно.

Командир вновь отыскал взглядом бойца с камерой, тот в ответ на немой вопрос кивнул и подал старшему маленький диск в плоской коробочке. Получив в руки «кино», командир неторопливо подошел к уцелевшему в резне пирату и без особых церемоний пнул пленника носком кованого ботинка.

– Черный, ты понимаешь меня? – Разговор спецназовец начал по-английски – в целях конспирации именно на этом языке все время общались между собой российские спецназовцы. – Если онемел от страха и в штаны наложил, то кивни, ублюдох!

Пленник, убедившись, что притворяться безжизненным полутрупом дальше не имеет смысла, широко открыл темные глаза, в которых метался неприкрытый страх, и торопливо кивнул, напряженно вслушиваясь в голос, чуть измененный матерчатой маской – по приказу командира все спецназовцы на всякий случай прикрыли лица.

– Отлично. Сейчас я дам тебе диск. Ты вернешься на берег к своим боссам и отдашь диск им. И передашь, что теперь такая участь будет ждать каждого из немых черномазых, кто решит подзаработать на захвате судов в этих водах. Каждого! Ты все понял, черный?

Бандит, мгновенно сообразивший, что убивать его, похоже, никто не собирается, вновь закивал – на этот раз быстро-быстро.

– Отлично, – холодно подытожил спецназовец и указал рукой за борт: – Там твоя надувная лодка. А теперь убирайся отсюда, и помни все, что я тебе сказал! Пшел!

Дважды просить себя бандит не заставил. Уже через пару минут за бортом контейнеровоза взревел двигатель «резинки», и посудина на максимальной скорости устремилась прочь от страшного судна, на палубе которого остались все товарищи уцелевшего пирата...

Когда шум мотора умчавшейся лодки затих вдали, командир снял шлем, рукавом отер пот с лица и устало приказал, показывая на убитых и сложенное оружие:

– Это все за борт! Оружия маловато... У капитана возьмите еще какие-нибудь железяки и привяжите к ногам. Ну, и все остальное.

«Все остальное» подразумевало довольно-таки специфическую процедуру, предназначенную для того, чтобы трупы через день-другой не всплыли.

– Командир, – несмело обратился к спецназовцу капитан контейнеровоза, – так что, их прямо вот так и за борт? Нехорошо как-то...

– А ты что, предлагаешь мне на берег слетать и каждому персональный гроб притащить, или что там у них полагается? – неприязненно посмотрел старший на невысокого моряка сверху вниз. – Нет у меня для них такой роскоши! Всех за борт, я сказал! И быстро!

Один из боевых пловцов, высокий и крепкий – да других, собственно, в спецназ ВМФ и в морскую пехоту и не берут, – широкоплечий молодой мужик, с истинно философским спокойствием наблюдая, как спецназовцы отправляют за борт трупы и трофейное оружие, негромко спросил у напарника:

– Скот, слушай, а правда у них богатым считается тот, у кого верблюдов больше?

– Да черт их знает... Вроде правда, – ответил второй – капитан Катков, что был почти копией своего товарища, разве что чуть постарше. – А ты, мичман, это к чему?

– Да так, – старший мичман Троянов, отзывавшийся также на нехитрый позывной «Тритон», чуть пожал плечами. – Лучше бы эти ребятки верблюдов своих пасли – глядишь, целее были бы... Дядя Слава, а как ты думаешь, будет от этой акции толк? От таких вот ловушек? Или наши отцы-командиры...

– А это, Валера, уже не наше дело, – грубовато перебил Катков мичмана. – Наше дело – выполнять приказы и поменьше умствовать, ясно? И вообще, умник, ты бы язык свой в рулончик скатал, а то не ровен час... Погоны сорвут и пошлют в края, где Макар телят не пас.

В ответ Троянов демонстративно оглядел горизонт и обреченно вздохнул:

– А я сейчас где, по-твоему? Ты глянь, кэп, – море кругом, и ни одного даже самого паршивого теленка...

6

Сомали, окраина города Алула, июнь 2010 года

О Сомали большинство простых россиян имеют примерно такое же представление, как и о легендарном созвездии Тау-Кита. То есть весьма туманное и неопределенное. Чуть более сведущие в географии, возможно, припомнят, что это небольшая страна в Африке, в ее восточной прибрежной части, обычно именуемой Африканским Рогом. Страна, естественно, чисто по-африкански бедная, очень жаркая из-за непосредственной близости к экватору, почти начисто лишенная лесов и преимущественно равнинная. Причем равнины особым богатством почв и растительности тоже никак похвастать не могут, а посему с давних времен местные народы предпочитали заниматься скотоводством.

После того, как в 1960 году Сомали получила долгожданную независимость от Италии и Великобритании, страна бодро начала строить новую жизнь. В этом сомалийцам, немедленно записанным в лучшие друзья, активно помогал СССР. Помогал до 1977 года, когда немного потерявшие чувство реальности туземцы решили маленько повоевать с Эфиопией и оттяпать у соседей кусок территории. Богатый и любвеобильный Союз к тому времени успел сдружиться и с Эфиопией, а раз заварилась такая военная кашка, то советским боссам пришлось сделать выбор между двумя друзьями. Выбор пал на Эфиопию, которая с советской и кубинской помощью сомалийцам хорошенько всыпала. Для Сомали наступили тяжелые времена междоусобиц, переворотов и прочих неурядиц, усугублявшихся кризисами в дохленькой экономике и вульгарными засухами. Весь этот, мягко говоря, беспорядок растянулся на долгие годы, и на сегодняшний день форму правления в Сомали специалисты именуют «анархией», а люди попроще о ситуации в стране говорят коротко и емко: «полный бардак».

Ситуация немного изменилась в начале двухтысячных, когда газеты всего мира запестрели заголовками, известившими читателей о новом промысле жителей Сомали. Подобно аборигенам далекой Колумбии и не очень далекого Афганистана, в трудные времена легко забросившим выращивание традиционных сельхозкультур и засеявшим свои поля несравненно более выгодными кокой и опиумным маком, бывшие рыбаки Сомали повесили свои сети на колья и занялись делом поинтереснее – пиратством. Правда, оно оказалось, естественно, опаснее мирной рыбной ловли, но среди тысячи молодых, малограмотных и безработных парней всегда отыщется сотня готовых рискнуть ради хорошего куша не только здоровьем, но и головой.

Пиратство оказалось штукой, выгодной не только для самих бандитов, но и для страховых компаний, для всякого рода темных посреднических контор, которые имеют свой процент с сумм выкупов, и в какой-то мере для судовладельцев. Нашлись знатоки, обвиняющие также и военных многих стран, отправляющих свои боевые корабли для патрулирования морских путей, проходящих через Суэцкий канал, и для защиты мирных судов. Якобы многозвездным генералам и адмиралам очень нравятся солидные ассигнования, выделяемые на обеспечение операций по борьбе с пиратством. Боевая работа – это всегда большие деньги, к которым у высокого начальства добавляется ощущение собственной значимости и возможность еще большего карьерного роста. В пиратских историях нашего времени хуже всех, пожалуй, приходится попавшим в плен морякам...

Алула, небольшой городок на берегу Аденского залива, был точно таким же, как и многие прочие, разбросанные по побережьям Сомали: пыльным, грязным и полуразрушенным. Поскольку главным местным строительным материалом была и остается самая обычная глина, то и городок получился тоскливого желто-бурого цвета, весьма и весьма напоминающим традиционный среднеазиатский кишлак. Глиняные дома, глиняные заборы, при взгляде на которые возникало стойкое ощущение, что в Африке буквально все слеплено из глины и нигде нет

ни зелени, ни воды, и вообще ничего живого, веселого и красивого. Нельзя же назвать красивыми трущобы, в которых там и сям среди отбросов снуют своры бродячих собак и стайки обезьян...

Этот неприметный глинобитный домик расположился в самом конце относительно оживленной улицы, на всем протяжении которой раскинулся импровизированный рынок. Продавцы, покупатели – среди тех и других немало вооруженных, – навесы, прилавки, заполненные местными продуктами, питьем и всеми разновидностями барахла и хлама. Все это сборище, над которым вились неисчислимые рои мух, шумело, суетилось и поднимало облачка пыли. Но во дворе домика, укрытого от любопытствующих взглядов высоким глинобитным забором, было неожиданно тихо и почти чисто.

Такая же тишина царила и внутри домика, где за обычным столом, грубовато сколоченным из плохо выстроганных досок, сидел темнокожий мужчина в пропотевшем камуфляже и молча прихлебывал из чашки крепкий чай густо-красного цвета. Со стороны могло показаться, что в эту минуту для мужчины нет ничего на свете важнее приятного и неспешного чаепития в прохладном полумраке, располагающем к хорошей беседе с мудрым человеком. В комнате присутствовал еще один человек, но, вероятно, для сидящего за столом он не был ни мудрым, ни приятным, поскольку хозяин не обращал на тоскливо переминавшегося с ноги на ногу молодого парня ни малейшего внимания. Парень же, напротив, не сводил с камуфлированного обеспокоенного и виноватого взгляда, обильно потел и старался не смотреть на лежащий под рукой хозяина пистолет внушительного калибра. Там же, на столе, стоял и раскрытый ноутбук хозяина, на мониторе которого несколько минут назад мелькали кадры с уложенными в ряд мертвыми парнями из абордажной команды...

– Как это могло произойти? – Сидящий за столом мужчина наконец-то отставил в сторону пустую чашку и, по-прежнему не глядя на нервно кусавшего губы собеседника, начал с преувеличенной тщательностью рассматривать ногти на своих крепких смуглых пальцах. – И почему они все мертвы, а ты стоишь здесь, живой и невредимый?

– Уважаемый Мохаммад, клянусь Аллахом, я не знаю! – Голос парня был тороплив и растерян. – Все было как обычно: мы подскочили, парни взобрались на борт этого проклятого сухогруза... Я, как и было приказано, оставался в лодке. А потом... потом меня кто-то сбросил в море и я потерял сознание. Что было дальше, вы уже видели на диске...

– Как называлось судно? Под каким флагом оно шло? Кто были эти люди?

– Я не разобрал названия – что-то иностранными буквами... Флаг? Вроде бы либерийский... Я точно не помню – На парня жалко было смотреть, он даже посерел от осознания собственной беспомощности и от страха перед возможным наказанием. – Да и зачем? Ведь наш Ахмад командовал, он и смотрел за всем...

– Как выглядели люди, расстрелявшие наших парней? На каком языке говорили? – тихо повторил свой вопрос Мохаммад – так тихо, что парню пришлось непроизвольно податься вперед, чтобы расслышать.

– Они все были в масках. В черных. А двое и вообще в стеклянных...

– Что ты несешь, сын грязного ишака?! В каких еще «стеклянных»?

– Ну, в этих, в которых водолазы ныряют, – еще больше заторопился допрашиваемый. – А говорили по-английски. Думаю, это были американцы. Или англичане.

– Или китайцы, – в тон парню подсказал хозяин. – И где вас, таких недоумков, только набрали... Безмозглые ослы! Значит, решили поменять тактику...

– Клянусь, мы ничего не меняли, все было как всегда! Уважаемый Мохаммад, а что... со мной? – решил прервать рассуждения командира парень, явно изнывая от тягостного чувства неизвестности и неопределенности. – Я могу это... идти?

– А, ты еще здесь. – Мохаммад задумчиво прищурился, несколько секунд помолчал, что-то там прикидывая в уме и, наконец, чуть заметно улыбнулся: – Думаю, тебе сегодня здорово повезло.

– Да, мне повезло, – парень тоже попытался улыбнуться, но получилось плохо и откровенно жалко. – Они все там, а я, слава Аллаху, здесь, разговариваю с тобой.

– Да, все в руках Всевышнего. Он оставил тебе, жалкому ублюдку, жизнь. – Голос Мохаммеда становился суше и тише с каждым произнесенным словом. – А зачем? Чтобы ты принес мне дурную весть – и продолжал вонять дальше? А зачем тебе жизнь? Ведь Аллах сказал, что жизнь в этом мире – всего лишь обманчивое наслаждение. А ведь ты, тупое и грязное животное, даже не в силах понять, о чем говорится в этом аяте... Когда я сказал, что тебе повезло, я имел в виду другое...

– Что... другое? – На этот раз парень, несмотря на всю свою простоту, похоже, все-таки догадался, что его ждет в ближайшие мгновения.

– То, что уже сегодня, сейчас, ты снова увидишь своих друзей.

Последнее слово командира еще не затихло, а он уже успел подхватить со стола пистолет и без малейшей задержки нажать на спуск. В тесной комнате выстрел прозвучал неприятно сухо и неестественно громко. Резко запахло сгоревшим порохом.

Дощатая дверь немедленно распахнулась и в комнату, мешая друг другу, вбежали двое молодых мужчин с автоматами Калашникова в руках. Увидев босса живым и здоровым, мужчины перевели взгляды на лежащего на полу. После яркого уличного света обычным глазам трудно разглядеть в полумраке маленькую черную дырочку на темном лбу, но охранники то ли обладали уникальным зрением, то ли просто слишком хорошо знали своего командира. Не выказывая удивления, оба с подчеркнутой готовностью смотрели на босса, ожидая приказаний.

– Уберите эту падаль, а мне заварите свежего чая, – негромко распорядился Мохаммад и, мельком глянув на циферблат дорогих часов, поблескивавших широким браслетом, добавил: – С чаем не спешите, мне надо позвонить. Минут через двадцать принесете...

Едва за охранниками, без всякого почтения и каких-либо особых нежностей утащившими труп, закрылась дверь, Мохаммад извлек из одного из многочисленных карманов своей куртки спутниковый телефон и набрал многозначный номер. Несколько секунд были слышны лишь длинные гудки, затем в динамике что-то долго шуршало и попискивало, и наконец-то трубка отозвалась неожиданно чистым и отчетливым: «Слушаю вас...»

– Это я... Хорошо, что узнал... У нас неприятности. Нет, не у меня, а именно у нас! Очередное дельце сорвалось. Всех работников пришлось уволить. Да так, черт возьми, что их всех перестреляли, как бродячих собак! Откуда я могу знать, кто? Я не ору... Да нет, всё вроде бы шло как обычно: мой человек поставил маяк, потом парни догнали этот контейнеровоз в море... Там их всех и положили, а мне прислали диск с записью! А может быть, и не мне одному... Ну, куда-куда... в какую-нибудь телекомпанию... Они поменяли тактику. И это плохо. Да нет, таких команд я наберу еще хоть десяток – голодных собак здесь сколько угодно. Дело в другом: если это станет системой, то о легких деньгах можно будет забыть!.. Как что? Нужна крупная, громкая во всех смыслах акция! Что? Да чем я ее устрою – ржавым пистолетом?! Тут нужен, по меньшей мере, хороший торпедный катер с парочкой приличных торпед – это я, Мохаммад, тебе говорю! Ты про город Севастополь слышал что-нибудь? Так я и думал... А я там учился в военно-морском училище!.. А мне плевать, где ты их найдешь. Ищи, подключай все свои связи. У русских поищи: там сейчас бардак и за деньги можно купить все... Вот и хорошо. Да, буду ждать и думать... Все, отбой связи...

Мохаммад раздраженно бросил трубку на стол, после чего выудил из очередного кармана пачку сигарет и щелкнул зажигалкой, прикуривая и окутываясь облачком ароматного дыма. Минуту-другую молча пыхал сигаретой, потом зло усмехнулся и процедил сквозь зубы:

– Дерьмо! И какой идиот обозвал их белыми воротничками? Гораздо больше им подошло бы: «жадные тупоголовые свиньи»...

Через восемнадцать часов после звонка Мохаммада в далекий северный город, где вопреки стереотипам в эти дни вместо серых туманов всюду светило солнце, человек, беседовавший с сомалийцем, подключил все свои связи и начал осторожно искать выходы на так называемую «русскую мафию». Еще через двое суток до господина Бочкина, известного в определенных кругах как Посредник, дошла пока еще смутная информация о том, что некие серьезные люди весьма заинтересованы в покупке некоего подобия малогабаритных ракетно-зенитных комплексов. Как вариант покупателей вполне устраивали и торпеды с подобными же характеристиками...

7

Спальный район на юго-западе Москвы, июнь 2010 года

Тихое и усталое летнее солнце уже завалилось куда-то за спины бетонных многоэтажек, но здесь, среди длинных рядов гаражей, было все еще достаточно светло и о какой-либо вечерней прохладе говорить было еще рано – синоптики предрекали небывалую жару и, похоже, на этот раз не вдали. Несмотря на относительно поздний час, двери многих гаражей были распахнуты и там продолжалась малопонятная для женщин жизнь. Кто-то возился с машиной, кто-то под бутылочку и нехитрую закуску вел с друзьями разговоры «за жисть» и домой, судя по всему, отнюдь не торопился, а кто-то спорил с соседом по боксу, выясняя, какая тачка круче и надежнее.

– Ну-ка, теперь попробуй, – негромко скомандовал молодому парню, сидевшему за рулем «жигуленка», невысокий мужчина в не очень чистой, измазанной не то маслом, не то мазутом рубашке и принялся неторопливо вытирать руки ветошью.

Парень запустил мотор – тот мгновенно отозвался на первый же поворот ключа и заработал ровно и чисто, без всяких признаков каких-либо перебоев.

– Газку кинь-ка. – Мужчина наклонился к мотору и что-то там еще немножко подкрутил. Прислушался, как двигатель послушно взвыл на повышенных оборотах, удовлетворенно кивнул: – Ну вот, другое дело! А то троит, троит... Ты свечи вообще когда-нибудь чистишь? И на станцию надо вовремя гонять, а не ездить до последнего...

– Спасибо, дядь Миша, – парень без особого смущения пожал плечами. – Да сам знаешь, все как-то некогда... Дела! Сколько с меня? Пятисот хватит?

– В самый раз, – флегматично отозвался мастер и, получив купюру, небрежно сунул ее в нагрудный карман. – Ты бы радиатор промыл, что ли, а то на жаре он у тебя греться будет. И движок грязный, как не знаю что, и масло небось чернота одна... Самому лень, так на станцию сгони, а то стуканет движок – и к бабке не ходи...

– Это обязательно, дядь Миш, – весело отозвался хозяин «Жигулей» и, бодро газанув, быстренько укатил куда-то по очередному из своих бесчисленных дел.

Механик скептически хмыкнул и направился было внутрь своего гаража, но был остановлен прозвучавшим из лихо притормозившей рядом иномарки:

– Командир, погоди! Мою колымагу не посмотришь?

Дядя Миша окинул сверкающую лаком иномарку ничего не выражающим взглядом, затем посмотрел на выбравшегося из салона водителя; судя по всему, узнал, но ни малейших признаков радости по поводу встречи со старым знакомым не проявил. Напротив, почти не скрывая досады, поморщился и довольно-таки неприветливо буркнул:

– Что ее смотреть... От такой колымаги здесь никто не отказался бы. Как ты меня нашел, майор? Хотя уже полковник, небось... Или в генералы забрался?

– Полковник, – почти неуловимо изменился в лице Сидоров, протягивая бывшему прапорщику ладонь для рукопожатия. – Ну, здорово, Вострецов! Как говорится, сколько лет, сколько...

– Чего надо, полковник? – без особого почтения перебил Сидорова Михаил. – Вот уж ни за что не поверю, что тебя ностальгия по старым временам одолела.

– А почему бы и нет? – обаятельно улыбнулся полковник. – Мне ничто человеческое не чуждо... Ну, не мрачней, мастер! Есть, есть небольшое дельце к тебе. Поговорим?

Вострецов на минуту задумался, словно прикидывая, как бы поудобнее послать неожиданного гостя, но в итоге негромко произнес:

– Ну, пойдем – я тут недалеко живу. Машину можешь здесь оставить, не тронет никто...

– Э, нет, – энергично дернул подбородком Сидоров, – знаю я расейский народец, понимаешь! Давай, садись и показывай, куда ехать-то...

Многоэтажка прапорщика оказалась действительно в двух минутах езды, и вскоре хозяин с гостем расположились на маленькой кухоньке за столом, на котором возвышалась объемистая бутылка коньяка, принесенная полковником, и тарелочки с домашней снедью, выставленные бывшим прапорщиком. Хозяйничал Вострецов сам – жена с племянницей, по его словам, остались ночевать где-то на даче. Выпили по первой, по второй, и лишь тогда Сидоров небрежным тоном задал простенький вопрос:

– Так как живешь-то, Михаил? Не шибко богато, смотрю...

– Живут и хуже... Крыша над головой есть, на хлеб-соль хватает. Не всем же на «Ягуарах» раскатывать.

– А не хотелось бы? На «Ягуаре» порассекать?

– Полковник, если ты так издалека подходить будешь, то и к концу пузыря до сути не доберешься! Мы пацаны уже взрослые, так что давай о деле. Без всех этих...

– Давай, – согласно кивнул полковник. – Ты помнишь, как тогда, в 91-м, с тем черномазым ящики возил?

– Ну, возил, и что? – заметно напрягся Михаил и невольно покосился на свою изуродованную руку. – И рад бы забыть, но вот ты, например, не даешь.

– В документах везде написано, что ящики сброшены в море и взорваны, так?

– Так, и что дальше? Как ты просил, так я и говорил...

– А дальше то, что ящики те были так заделаны, что им сто лет никакая морская вода не страшна! И лежат они, родимые, на дне, и в них спокойно спят оч-чень интересные железки... А точнее – экспериментальные торпеды очень даже солидной мощности. Их должны были на военно-морском полигоне испытывать в теплых и соленых морях. Но, как ты помнишь, все тогда тем самым тазом накрылось. А вот теперь нашлись люди, которым эти самые торпеды позарез нужны, и они готовы платить очень хорошие деньги. Очень хорошие!

– Ты хочешь сказать, полковник, что я – единственный, кто сегодня знает точно, где они лежат? – Вострецов посмотрел в глаза полковнику совершенно трезвым взглядом. – А потом я должен показать это место на карте? Что будет дальше – догадаться несложно... И кто же покупатель? Грузины? Турки? Или какие-нибудь отморозки вроде этих... как же их...

– А тебе-то какая разница? – Сидоров устало вздохнул и нехорошо потемнел лицом, а в глазах мелькнула открытая неприязнь. – Как чувствовал, что будет с тобой морока! Все совка из себя вытравить не можешь? «Ах, невинные жертвы, ах, как это нехорошо...» Ты бы лучше о себе да о семье своей подумал – живешь как бомж какой... А то, что эта страна тебя, как изношенный сапог, на помойку выбросила – как и тысячи офицеров, между прочим, тоже, – это правильно, нормально?! Да ладно, хрен с ней, со страной, ты мне скажи: на место поедешь, покажешь? За хорошие деньги? Про поездку я потому говорю, что какие к лешему могут быть карты – если и остались от тех времен какие, то они в таких сейфах лежат, что... А рисованные планы в тетрадке или точка в малом атласе – это ведь детский лепет, сам понимаешь. Так что скажешь насчет турпоездочки? На халяву, а?

– Я что, на идиота похож? – почти равнодушно ответил хозяин и твердой рукой разлил коньяк по стопкам. Выпил, кинул в рот ломтик колбасы и отрицательно покачал головой. – Да ни за какие деньги я туда больше не сунусь! Мне и тех месяцев хватило, что я в их поганой тюрьме просидел. До сих пор иногда снятся те рожи... Так что, господин полковник, давай еще разок выпьем и все забудем. И провожу я тебя – время уже позднее...

– Значит, нет? И уговаривать, как я понимаю, бесполезно? Извини, прапорщик, но дурак ты... Ладно, нет так нет. Давай, на посошок наливай! Не чокаясь, за всех, кто в теплых краях тех проклятых навсегда остался...

Расставались бывшие однополчане-сослуживцы в прихожей – без особого сожаления и, естественно, без объятий. Придерживая уже распахнутую дверь, Сидоров достал бумажник и протянул бывшему прапорщику белый картонный прямоугольничек:

– Ты, Миша, еще разок хорошенько подумай... Если что – вот мои координаты, звони.

– Это вряд ли, – Вострецов уже нетрезво качнул головой, – я все сказал. Беспокойная жизнь у тебя, полковник! А мне уже вся эта суета не по возрасту, извини. Все, бывай!

...Уже сидя в своей иномарке, Сидоров, перед тем как запустить двигатель, пощелкал клавишами мобильного телефона и, услышав ответное «да», сообщил собеседнику:

– Он отказался. Да уговаривал я, а он уперся – и всё... Я ему свой телефон оставил – может, и передумает еще... Думаешь? Ну, ладно, подождем-посмотрим...

Ждать, как выяснилось, пришлось недолго. В течение всего следующего, по-летнему долгого дня бывший прапорщик занимался обычными своими делами: с утра отправился на работу в небольшую частную автомастерскую, где уже несколько лет числился автомехаником не из худших, а вечерком пару часов провозился с машинами уже своих личных клиентов – халтурка давала пусть и небольшую, но все-таки ощутимую прибавку к основной зарплате. Уже поздним вечером, когда Вострецов после более чем скромного ужина принялся за умело заваренный чай, раздался первый звонок. Звонила с дачи жена. С первых же слов, произнесенных одновременно растерянным и взволнованным голосом, стало понятно, что вчерашняя история с визитом полковника, увы, не закончилась, а только лишь начинается...

– Миш, ты сейчас дома? Послушай, а Ленка не у тебя? Что-то ее до сих пор нет... Звоню на мобильный – не отвечает!

– Ну, может, у подружки где или у этого своего... как его там?

– Миш, ну что ты как ребенок, ей-богу! С тем придурком она давно уже разругалась и сто лет его не видела, а у подружек, как ты говоришь, она никогда в жизни не оставалась ночевать! Миш, я боюсь – а вдруг с ней что... Сам знаешь, как бывает! Что делать-то, а?

– А что ты сейчас сделаешь? Считай, ночь на дворе... Короче, ты позванивай на ее номер – может, отзовется. И не паникуй раньше времени. Мало ли, батарейка у нее села или еще что... А я сейчас тут номера ее институтских ребят поищу – вроде были записаны где-то... Ты мне через часок перезвони, или нет – лучше я сам... Все, давай!

Жена, конечно же, права: Ленка была совершенно обычным, почти домашним ребенком и до сих пор каких-либо особых вольностей вроде ночных гулянок и шатаний по сомнительным тусовкам и клубам себе не позволяла. Тут отчасти и воспитание сказывалось, и более серьезные, чем все эти тупо-гламурные тусовки, интересы; да и Вострецов с женой старались ненавязчиво, но все же контролировать, где, как и с кем проводит свое свободное от учебы время их племянница. Хотя, прикидывал Михаил, дураку понятно, что не во все подробности своей жизни Ленка их посвящает...

Номера институтских товарищей Елены прапорщику искать так не пришлось, поскольку почти сразу же после дачного звонка жены раздался еще один, и незнакомый мужской голос сухо сообщил:

– Ваша племянница у нас. С ней все в полном порядке. Пока в порядке...

– Что вам надо? – грубовато спросил Вострецов, понимая, что выяснять, кто это звонит, бессмысленно и глупо, и уже почти наверняка догадываясь, что он сейчас услышит в ответ.

– Тебе предлагают небольшое бесплатное путешествие. Ты почему-то отказываешься. Неразумно. Ты еще разок хорошенько подумай, а мы тебе перезвоним!

«Надо было потребовать, чтобы Ленке трубку дали... Так этот гад уже отбой нажал. Так, значит, господин полковник, да? – Михаил, нервно прохаживаясь по кухне, все больше наливался злобой, одновременно понимая, что ничего толкового он сейчас сделать не сможет и ситуацию в целом тоже изменить не в силах. – Ну, а кто еще мог такое гадство сотворить? Только он! Ну, падла... Что ж делать-то, а? В ментовку нельзя – ежу понятно, что только хуже

сделаешь! Черт, и Нинка сейчас с дачи позвонит – ей что говорить? А что ни говори, а деваться некуда – Ленку надо спасать...»

8

Сейчас Михаил буквально физически ощущал всю тяжесть свалившегося на его плечи груза. Груза, который придавливал к земле, не давал дышать и наполнял душу мерзким ощущением собственной малости и бессилия перед некой загадочной злой силой, которая с непридуманной легкостью могла раздавить и его, немолодого и не очень здорового мужика, и его самых близких и родных людей, которые к той давней истории и вовсе ни малейшего отношения не имеют. Словно он опять каким-то мистическим образом оказался там, посреди бледно-желтой, выжженной чужим безжалостным солнцем саванны и над ним снова кружит тот самый вертолет. И снова он в любую минуту может полоснуть пулеметной очередью, от которой невозможно ни укрыться, ни спастись... А ведь тогда, в Африке, все было, как теперь оказывается, намного проще и легче – там он отвечал только за себя и рисковал только своей жизнью. Теперь, здесь, все иначе...

Хотя почему «загадочной силой»? Ясно, что это за сила: еще в начале девяностых уверовавшие в свою безнаказанность и всемогущество бандиты и ворюги! И пусть они себя как угодно называют, пусть они одеты в самые дорогие костюмы от всяких там «версачей», а на плечах их мундиров лежат золотые погоны с большими звездами – суть-то не меняется, воры они, уголовники... И что он, бывший прапорщик Вострецов, может противопоставить всей этой наверняка прекрасно организованной и оснащенной банде? Да решительно ничего! Здесь нужна своя, не менее мощная «группа войск», а ее-то и нет... И думать здесь не о чем, надо соглашаться на любые условия. Воображение услужливо подкинуло картинку здоровенных тупоголовых гоблинов, гнусно гогочущих и... Нет, только не это! Иначе останется только взять и застрелиться или в петлю влезть, потому что с таким грузом на душе нормальному мужику жить просто невозможно... Всё, все глупости в сторону – надо соглашаться!

Михаил с раздражением и опаской посмотрел на свой домашний телефон, из мирного куска пластмассы вдруг превратившийся в невольного сообщника тех самых гоблинов. Об стенку бы его со всего маху, но ведь глупо это и проблему решить не поможет... Стоп! Как же это он забыл, а? Есть ведь вариант – если и не помогут, то хотя бы совет дельный, возможно, дадут...

Через пять минут Вострецов уже находился двумя этажами выше, в квартире малоознакомой соседки по подъезду, и набирал, сверяясь с записной книжицей, номер одного старого знакомого из какого-то там союза ветеранов африканских военных конфликтов. Точного названия прапорщик вспомнить не смог, поскольку в книжке значились только имя и номер, а сам Михаил ни в одной из подобных организаций не состоял – не нравились ему все эти «клубы ветеранов», и об Африке прапорщик предпочел бы вообще никогда больше не слышать... Телефон долго и равнодушно выдавал лишь длинные гудки, потом все же отозвался чуть хриплым, прокуранным мужским голосом:

– Да, слушаю...

– Саям алейкум, ас-сейид, – поздоровался Михаил и, не давая собеседнику возможности задать очевидный вопрос, торопливо продолжил: – Имен не называй, пожалуйста... Мастер по ремонту тебя беспокоит – ты у меня недели три назад свою тачку лечил...

– Да понял я, вспомнил. Дальше давай... Что за штучки шпионские? Стряслось что?

– Если в двух словах, то помощь нужна... – Прапорщик почувствовал, что голос его, наверное, со стороны звучит жалко и растерянно, и тут же следом мелькнула мысль, что, скорее всего, сейчас его просто пошлют по известному адресу и положат трубку. – У меня...

– Стоп, ничего больше не говори. – Невидимый собеседник ненадолго умолк и после паузы продолжил суховато-деловым тоном: – Помнишь, я тебе говорил про местечко одно, где наши пацаны мячик гоняют?

– Ну да, помню, – оживился Вострецов, и где-то в груди ворохнулось нечто похожее на робкую надежду – может стать, и не зря позвонил...

– Там сквер еще есть небольшой рядом. Будь на месте минут через сорок. Успеешь?

– Успею, конечно! А как...

– Никак. Жди у табачного киоска – я сам подойду...

До места Вострецов добрался гораздо раньше названного срока и, переходя оживленную, запруженную машинами улицу, мысленно похвалил себя за то, что сообразил-таки поехать на метро – на своем «жигуленке» точно где-нибудь в пробке застрял бы.

Сквер оказался точно таким же, как и сотни ему подобных в столице: уже слегка утомленные зноем деревья, кусты сирени и акации, лужайки с неизменными собачниками, дорожки, лавочки. На лавках восседали вездесущие пенсионеры обоих полов и всех возрастов, молодые мамочки, озабоченно покачивающие детские коляски, и прочий праздный народ. Кто-то был занят чтением газет, кто-то неспешно распивал пиво, лоя на себе неодобрительные, а порой и завистливые взгляды, а кто-то и просто беседовал с соседом по лавочке – ни о чем и обо всем сразу. Прапорщик без раздумий направился к табачному киоску, где за чисто вымытыми стеклами отсвечивали всеми цветами радуги бесчисленные пачки сигарет, и присел на первое же свободное местечко, обнаруженное на ближайшей скамейке, сколоченной из толстых реек.

– Простите, у вас прикурить не будет? – услышал Вострецов как раз в тот самый момент, когда начал припоминать старую затасканную присказку о том, что нет ничего хуже, чем ждать и догонять.

Михаил узнал голос с первого же слова и быстро вскинул взгляд, одновременно доставая из нагрудного кармана рубашки зажигалку. Перед ним стоял полноватый мужичок в хорошо потертых джинсах, в бесформенной майке не первой свежести и на вид явно нетрезвый. Мужчина вертел в пухлых пальцах сигарету и, пьяненько улыбаясь, терпеливо ждал.

– Да, пожалуйста, – прапорщик торопливо крутнул колесико, высекая огонь, и поднес зажигалку к сигарете нагнувшегося мужчины.

– Что стряслось? – Полноватый, которого Вострецов больше знал как Ассеида, что по-арабски означало «господин», выпустил клуб голубоватого дымка и довольно улыбнулся. Любой, увидев со стороны двух мирно беседующих мужчин, мог бы смело предположить, что разговор идет, естественно, о погоде, о футболе или о молодых мамочках, но уж никак не о каких-то там похищениях и прочих ужасах.

Стараясь быть кратким, Вострецов рассказал Ассеиду о похищении племянницы. Собеседник слушал молча, внимательно и задал всего лишь два уточняющих вопроса:

– В полицию ты, конечно, не обращался? И ты уверен, что это не простые бандиты?

– Да какие бандиты?! Я что, олигарх какой? Нет у меня ничего такого, чтобы именно так на меня наезжать, понял? Я, между прочим, ни рубля никому не должен!

– Да понял я, понял, не кипятись ты... В общем, так, прапорщик: давай свой адрес, езжай домой и жди. Я тут буквально на днях с одним интересным майором пересекся. Его в теплые края военспецом отправляют, и он заходил к нам за кой-какими консультациями. Мужик, как я понял, из довольно-таки серьезной конторы... Короче: ты пока делай все, что тебе эти уроды скажут, на все условия соглашайся. А я с этим майором свяжусь. Если он захочет и сможет помочь, то сам тебя найдет. Если же нет... Тогда, наверное, есть смысл и в полицию обратиться. Хотя, я бы, например, не пошел – вряд ли от них толк будет, а племянница... В общем, сам все понимаешь, не маленький. Ну, все, пошел я. Если в течение суток майор не объявится, то, извини, придется тебе действовать по обстановке... Ну, бывай!

Вострецов хмуро кивнул в ответ и, скользнув невидящим взглядом по суетливым голубям, копошавшимся вокруг раскрошенного кем-то из сердобольных посетителей кусочка булки, не удержался и посмотрел вслед уходящему Ассеиду. Между кустов акации в последний раз мелькнула застиранная футболка полноватого – а может быть, и чья-то другая, похожая...

«Надо идти, – устало подумал Михаил, – домой идти. Сажу тут без толку, а там, может быть, телефон надрывается. Опять ждать... А что ты думал? Придет добрый дядя и беду руками разведет? Да нет, брат, похоже, каждый свою кашу расхлебывает в одиночку! Ладно, сейчас домой, а там посмотрим...»

По дороге домой Вострецов неожиданно вспомнил, что, идя на встречу, отключил свой мобильник. Извлек из кармана аппарат и торопливо защелкал кнопками: так и есть, семнадцать пропущенных вызовов, и все от жены. Сейчас начнется...

– Ну, наконец-то! Где ты пропал? Я уже всю валерьянку выпила и телефон разбила, а у тебя все «номер абонента выключен» да выключен! Ну, что там у тебя? Есть новости какие?

– Пока ничего. Нин, ты это... не надумай приехать, – тщательно подбирая слова, чтобы не наговорить лишнего – мало ли эти уроды телефон как-нибудь слушают! – и в то же время хотя бы немного успокоить жену, втолковывал прапорщик. – Ты все равно здесь ничем не можешь. И вот что... Ты ночку-другую где-нибудь у соседей переночуй – и тебе чуть повеселее будет, и мне спокойнее. И не звони больше. Будут новости – я сам позвоню. Все, Нина, пока... Да сказал же, сразу позвоню! Все, до связи!

...Вечер тянулся невероятно долго. Вострецов бесцельно бродил по непривычно пустой, как-то нехорошо притихшей квартире, подходил к окнам и тут же ловил себя на том, что ничего он там, за чистыми стеклами, не видит. Вернее, видеть-то видит, не все картинки почему-то тоже казались не то застывшими, не то умершими. Телефон, на который время от времени посматривал прапорщик, тоже упорно молчал. Михаил включил телевизор: пусть хоть что-то создает иллюзию человеческого присутствия в доме... Прошел в кухню, поставил чайник. Вспомнилось, что за целый день так ни разу и не поел ничего. Да и сейчас ни малейшего желания не было. Разве что чайку кружку...

Вострецов пил чай, не замечая вкуса, и с ненавистью посматривал на часы.

«Да уж, точно хуже нет... Стрелки как будто гвоздями кто приспособил... Ох, Ленка, Ленка, где ж ты сейчас, а? Сучья жизнь... И когда тот майор позвонит? Если вообще позвонит...»

...Очнулся прапорщик по причине, мягко говоря, жутковатой: сон улетучился из-за удущья, вызванного тем, что чья-то сильная и жесткая ладонь закрывала ему нос и рот. Михаил, чувствуя, как мерзкая и холодная волна страха буквально разрывает его изнутри, попытался вскочить и отбросить чужую руку, но незнакомый голос едва слышно, но все же отчетливо прошептал:

– Я майор, от твоего знакомого Ассеида... Не дергайся. Сейчас мы тихонько пройдем в ванную и там ты мне все расскажешь. Если понял, кивни... Вот и ладушки... Идем!

Не зажигая света и стараясь не зашуметь, мужчины прошли в ванную, где гость первым делом открыл воду, и прикрыли за собой дверь. Естественно, в ванной хозяин квартиры свет все же включил. Вострецов, не скрывая любопытства, несколько мгновений молча рассматривал сухощавого мужика лет около сорока и с неприятно-холодными глазами, и лишь затем спросил:

– Как ты вошел-то? Я же вроде дверь запирал...

– Домушник я, пять ходок... Шучу. Майор Орехов я... Твою племянницу не Еленой зовут? Щупленькая такая, рыженькая? Журналистка будущая, так?

– Ну да, она, Ленка наша... А ты откуда... А, Ассеид рассказал.

– Не важно. Хм, – жестко усмехнулся Орехов, – слышал я, что мир тесен, но не настолько же, итить его... Ну, давай, рассказывай, в какую еще историю влипла журналистка твоя. Только учти: увижу, что врешь или недоговариваешь что – а я увижу, не сомневайся! – то просто развернусь и уйду. И все – разбирайся со своими проблемами как хочешь...

Михаил иногда искренне удивлялся, как это некоторым людям удается так долго, а порой и так же интересно рассказывать о своей жизни. Показывают, например, по телевизору

какого-нибудь актера преклонных лет, и он начинает вспоминать свое детство, родителей, всех своих учителей, товарищей и просто знакомых. Рассказывает о каких-то встречах, о ролях, о взлетах-падениях, пересыпает свое повествование байками – и, оказывается, все это неизменно интересно слушать! А у простых людей подобные рассказы почти всегда напоминают скучную и серо-безликую автобиографию для личного дела: «Родился, учился, работал и... помер в таком-то году».

Вострецову на все про все понадобилось минут девять. Действительно уж, словно автобиографию пересказал. Майор Орехов слушал практически не перебивая, лишь иногда задавал короткие уточняющие вопросы, а так все больше молча кивал, и Михаилу порой начинало казаться, что гостю его рассказ не очень-то и интересен.

– Я все понял, прапорщик. Торпеды, говоришь... Это, конечно, немного другая епархия, но что-нибудь придумаем. Теперь слушай сюда! Сделаем так...

9

В жизни даже самого простого человека бывает не так уж и мало приятных минут. А в жизни полковников таких минут, надо полагать, гораздо больше, чем в жалких буднях зеленых лейтенантов, на плечи которых в основном и ложатся все «тяготы и лишения воинской службы». Конечно, у лейтенантов есть и некие несомненные преимущества – например, в виде молодости и завидного здоровья, – но они по причине малого жизненного опыта преимущества эти почти не замечают и как раз с завидным упорством мечтают о полковничьих и генеральских погонах. Словом, все до смешного соответствует старой присказке: «Ах, если бы молодость знала... Да если бы старость могла...»

Полковнику Сидорову до старости было еще далековато, а уж приятные минуты в своей жизни он умел ценить, пожалуй, так, как мало кто умеет. Только что полковник закрыл и опечатал сейф в своем уютном кабинете, то же самое проделал с входной дверью и, сдав ключи на хранение в дежурку, не без удовольствия прикрыл за собой еще одну тяжелую дверь, за которой таилось в прохладной тишине длинных коридоров его рабочее место.

Вот эти-то последние минуты рабочего дня полковник и любил больше всего. Любил за возможность не спеша выйти на широкое крыльцо, со вкусом закурить душистую сигаретку и опять же неторопливо направиться к служебной стоянке, где покорно дожидается хозяина чистенькая ухоженная иномарка...

«Вот интересно, – пыхая голубоватым дымком сигареты, лениво размышлял Сидоров, покручивая на пухлом пальце ключи от своей «ласточки» и вразвалочку направляясь к стоянке, – в каждом кабинете давно уже кондиционеры, современные компьютеры стоят, оргтехника и всякая подобная хрень, а сейфы остались еще те, советские. С пластилиновой печатью и с ниточкой! Умора... Фу-у, вся спина мокрая... Сейчас в машину, кондиционерчик врубим, музыку – и вперед, к Лариске!

Моя там чего-то вякала про дачу, но грядки подождут – делать мне больше нечего, как только про клубнику ее думать. Один хрен ни черта с утра до вечера не делает, так села бы в свою таратайку и съездила! И рылась бы там до посинения, или вообще до белых мух... Нет, это вечная загадка: как и когда юные веселые девчонки превращаются в вечно недовольных и склочных баб? Ведь вроде вот только что ты, молодой дурак, ее в ЗАГС водил и шампанским на радостях упивался, а глядишь – и вот уже рядом с тобой ворчит что-то непонятное и вообще на женщину мало похожее. Хотя, бабки они, заразы, в любом возрасте за сто верст чувят! Да так чувят, что служебные собаки обзавидуются...

Сейчас к Ларке приеду, сразу в душ, потом романтический ужин при свечах – кажется, так вся эта прелюдия называется. И что в ней такого уж пошлого умники находят? Нормально! Красиво. А не то что водяры паленой стаканюгу засосал, килькой томатной прямо из банки зажевал и в койку – тьфу! Мы ж не быдло какое...»

Полковник открыл дверь и нырнул в душное, припахивающее синтетикой нутро салона. Уселся на неприятно жаркое сиденье и, отдуваясь и недовольно поерзывая, вставил ключ в замок зажигания. Сейчас движок заурчит, кондиционер салон остудит и можно будет ехать...

– Руки на руль положи. – В сумрачной тишине салона чей-то чужой голос прозвучал неестественно громко, отчего Сидоров судорожно дернулся, но тут же и замер, поскольку почувствовал, как под ухо больно ткнулось что-то жесткое – нетрудно было догадаться, что это, скорее всего, ствол пистолета. Полковник непроизвольно вскинул взгляд к зеркалу заднего вида, но оно оказалось заклеенным куском пластыря и что-либо увидеть в нем, ясное дело, было невозможно. – И не шуми. Дергаться тоже не надо – я все равно выстрелю быстрее...

– Вы... кто? – Сидоров попытался осторожно скосить глаза, но смог лишь краем глаза увидеть нечто в черной маске наподобие тех, что надевают спецназовцы, после чего тут же получил сильный тычок стволом и, сдавленно взыв от боли, стал смотреть строго вперед.

– И что нам надо, да? Из профсоюза бывших прапорщиков я. А надо мне, чтобы ты, гнида, шепнул, где держат похищенную девчонку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.